

УДК 323.212

Эволюция политической теории гражданского общества: критический аспект

Л. Б. Кристалинский, С. В. Баранов

Национальный институт бизнеса, г. Москва

Аннотация. В статье авторы рассматривают стержневую хронологию концепции гражданского общества в контексте современной политической теории. Критически представлены соотношения исторически складывающихся нормативных демократических моделей с элементами и тенденциями развития гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, экономическое общество, политическое общество, демократия, государство, общественное объединение, ассоциация, социум, концепция.

Демократия в своей основе, как форма организации власти и политический режим, в современном мире претендует на роль самого востребованного государственного устройства. Исторические вехи последовательно демонстрировали конкурентную несостоятельность тоталитарных и авторитарных систем. Базовые демократические нормы и ценности становятся приемлемы все в большем количестве государств.

В таких условиях теоретико-методологическая проблематика дихотомии «гражданское общество – государство» в демократических странах продолжает оставаться актуальной и дискуссионной.

Потребность в исследовании проблем гражданского общества появилась одновременно с государством, и первые предпосылки к генезису политической теории гражданского общества встречаются у античных философов, в частности у Аристотеля, который выделяет так называемую *politik ekoionia*, которая определялась как публичная этико-политическая общность свободных и равных граждан, проживающих в полисе-государстве, основанном на праве. В то время под «правом» понималась совокупность общезначимых норм и ценностей, отражающих не только политические процедуры, но и другие области жизнедеятельности.

С самого начала осмысления выдвинутого Аристотелем понятия в нем появлялось противоречие: с одной стороны – это некое целое, с другой – его части находятся вне его. Логическое разрешение парадокса нашлось в том, что греки еще не видели различий между обществом и сообществом. Кроме

того, Аристотель идеализировал свои представления и не определял тогда устанавливаемой позже философами разницы между государством и обществом. Однако важно понимать, что именно римский аналог *politik ekoinonia* Аристотеля – *societas civilis* (гражданское общество) дал основание для научной разработки целому направлению политической философии.

Указанное понятие стало служить для обозначения всех видов объединений граждан, независимо от того, насколько сплоченный, интенсивный и индивидуальный характер носили взаимоотношения в рамках каждого из них. Это означает все многообразие ассоциаций, групп и форм взаимодействия – отсюда его сходство с современным понятием «общество». Но и многообразие и различия оказались составными частями модели, предполагавшей существование монолитной организации граждан, способных к полному единству действий, – что по значению ближе к понятию «сообщество», которое представляет собой целостную группу, объединенную общими целями, и в основе которой лежит единство этоса (совокупности общезначимых норм и ценностей) [10].

Важно, что в социальной жизни появляются свободные и равные граждане с безусловным правом ассоциироваться на основе интересов; фактически это говорит о появлении демократической политической сферы. В результате широкого использования введенной Аристотелем категории в различных источниках появился термин «*societas civilis sive res publica*» (гражданское общество или общественное (общее) дело (республика) – *лат.*), которым обозначали все – от феодального уклада, предполагающего наличие множества разрозненных суверенных сообществ (наследственных владений, корпоративных объединений, самоуправляющихся городов), до средневековых царств и империй [10]. Подобное широкое толкование далее повлияло на разность в понимании содержательных аспектов термина.

Древнеримская политическая идея выразилась в республиканской системе, стремившейся общее благо противопоставить частному. Под гражданским обществом, прежде всего, подразумевалась общая польза на основе согласия в вопросах права и общности интересов. Так, Цицерон, обосновывая правовое равенство людей, писал: «...Закон есть связующее звено гражданского общества, а право, установленное законом, одинаково для всех». Причем, по Цицерону, гражданский закон, или, как он его называет, «истинный», возник прежде всех остальных «писанных» законов и прежде, чем возникло государство; последнее же, как общий правопорядок с его установлением и законами, является по своей сущности воплощением того, что в природе есть справедливость и право [12].

Смысловое понятие *societas civilis* приобрело новое значение и стало отражать новые отношения экономики, общества и государства. Это понятие у римлян означало совокупность субъектов гражданского права, регулирующих отношения частной собственности, семьи, родства и наследства. Де-факто под гражданским обществом понимается уже частная сфера социальной жизни, регламентируемая посредством права и относительно независимая от государства.

Насколько можно судить по работам политических философов Древнего Рима, понятию «гражданское общество» они уделяли лишь второстепенное значение, поэтому какого-либо теоретического приращения в этот период не наблюдается. Своеобразное возрождение понятия «гражданское общество» произошло в Средние века после его адаптации с латыни в работах А. Великого (около 1200–1280) и Ф. Аквинского (1226–1274), которые использовали *societas civilis* для обозначения средневекового города-государства. Такое понимание не прижилось, и позже наметился содержательный сдвиг в сторону дихотомии «гражданское общество – государство», когда одновременно в Европе возрождались абсолютная монархия и публичное гражданское право.

Разумеется, что подобное разделение в государстве на политическое (само государство) и неполитическое (гражданское, сословное общество) во времена раннего Средневековья происходило и по другим направлениям, например с появлением независимых религиозных институтов, однако с развитием гражданских начал пришло и точное понимание единоличного суверена-монарха как «первого среди равных».

Примечательна позиция Т. Гоббса (1588–1679), который считал самих людей по природе рациональными, но асоциальными, и общественный договор между ними, по мнению мыслителя, способен создать именно государство, а не общество. Государство первично, и своей властью обеспечивает социальную связь отдельных индивидов, которая и порождает общество. Эта концепция продолжила во многом воззрения древнегреческих философов, представлявших политическое общество как неделимую властную структуру. Гоббс изначально исходит из античных представлений, что основанием политического устройства являются нравственные законы (этос), а не право, сводящееся только к директивным актам и властным постановлениям. Этим и объясняется, что в «Левиафане» он обходится без понятия «гражданское общество» (т. е. без того нормативного представления, согласно которому, «политическое тело» составляют свободные и равные индивиды) [3].

Интересна попытка определить результат общественного договора Дж. Локком (1632–1704). Он в своих рассуждениях приходит к выводу о построении «политического или гражданского общества» и обосновывает различие между «правительством» и «обществом». Локк отчетливо устанавливает, в отличие от Гоббса, различие между «разрушением общества» и «разрушением правящей инстанции», хотя продолжает сохранять логические связи с античными традициями, рассуждая об обществе единой политики, способном появиться лишь в результате «соглашения о том, чтобы соединиться и действовать как одно тело». Этому способствует законодательная власть, у которой должны быть инструменты и ресурсы организовывать так общество. Под «политическим телом» он понимал объединение свободных и равных индивидов. В случае же его разрушения, по мнению Локка, общество способно создать новый законодательный орган, однако остается неясным алгоритм этого создания. Ученый резко критиковал политическое устройство европейских государств того времени и указывал на то, что «абсолютная монархия...

несовместима с гражданским обществом и, следовательно, не может вообще быть формой гражданского правления» [7].

Несколько позже Ш. Л. де Монтескье (1689–1755) в своей концепции интегрировал устойчиво сложившееся в политической философии XVIII в. представление о двух типах договора – общественном и государственном, и существовавшее в римском праве разделение гражданского и государственного права. Суть этой дифференциации проста: государственное право регулирует взаимоотношения правителей с управляемыми, компетенция же гражданского права – регламентация отношений между членами общества.

При таком понимании противоречия и антагонизмы в отношениях между индивидами в гражданском обществе детерминируют образование государства и возникновение вместе с ним гражданских и политических законов. Политическая сфера, права и свободы граждан регулируются политическими законами, под юрисдикцию гражданских законов попадают отношения собственности [9]. В своей фактически антиабсолютистской теории Монтескье под обществом понимал либо «промежуточные власти», либо «политические сообщества», либо «сообщества» как неизбежное последствие сословного деления. Находясь на базисе идей Просвещения, философ четко обозначил будущее разделение государства и общества, логично поддерживая мировоззренческие позиции деполитизированных сословий того времени. Локк же кардинально изменил сущностное определение общества, формально ближе подойдя к идеям всеобщих естественных прав равенства.

Французский философ Ж. Ж. Руссо (1712–1778) предлагает принципиально обновленное понимание гражданского общества, выходя за рамки теорий Локка и Монтескье. В своей работе «Об общественном договоре» он выражает идею о том, что естественное состояние людей – гармоничные отношения. По мнению Ж. Ж. Руссо, эта гармония в рамках абсолютистского государства рушится, так как трансформируются ценности гражданства и духовной природы человека. Концепция философа основывалась на том, что данное положение дел можно исправить «гражданским состоянием в условиях демократического государства», где посредством разумной организации государственного устройства достигается возрождение гуманных условий жизни людей [12]. Общественный суверенитет есть необходимое условие государственной организации на основе демократических принципов, и в случае его нарушения со стороны правительства неминуемо происходит расторжение общественного договора. Верховная политическая власть «не может преступать границ общих соглашений, и... каждый человек может всецело распоряжаться тем, что ему эти соглашения представили из его имущества и свободы» [11]. Руссо отождествляет гражданское и политическое общество с государством, что сыграло свою роль в растущем противостоянии плюрализма (требующего равенство прав групп с сословными правами) и монархического абсолютизма.

Опираясь, на проведенный выше краткий анализ концептов гражданского общества, необходимо отметить, что в теоретико-методологическом плане логически не был соотнесен структурно-содержательный аспект категорий «го-

сударство», «политическое общество», «экономика» и «гражданское общество». Кроме того, появлявшиеся идеи достаточно быстро устаревали и не соответствовали динамично меняющейся политической реальности. В принципе, подобная тенденция сопровождала «гражданское общество» и в дальнейшем.

В конце XVIII в., с развитием промышленности и товарно-денежных отношений, исследовательский интерес сдвигается от антиабсолютистских позиций и бытийно-сущностных парадигм к проблематике выгодного взаимодействия независимых и равных в правах индивидов с государством. Происходит конкретизация основных понятий, отражающих две взаимосвязанные сферы общественного бытия.

Труды Т. Пейна, И. Канта, А. де Токвиля, Т. Джефферсона и других представляют приближенное к современному понимание гражданского общества как неполитической сферы, противостоящей государству и включающей в себя различные общественные союзы и ассоциации, институты семьи и предпринимательской деятельности.

Следующим заметным шагом в концептуальной эволюции термина «гражданское общество» стали работы немецкого философа И. Канта (1724–1804). В своей работе «Метафизика нравов» он различает два основных режима власти: одним из них является правление, суть которого составляет опека над управляемыми как над несовершеннолетними, что нарушает основное гражданское право личности – быть дееспособным и правомочным в преследовании своих целей и интересов, – такое правление Кант назвал деспотическим; и второй режим – патриотический, при котором само государство «хотя и обращается со своими подданными как с членами одной семьи, но в то же время относится к ним как гражданам государства, т. е. по законам их собственной самостоятельности, каждый из них сам себе гражданин» [5].

Наиболее герменевтический анализ существующих к XVIII в. идей и направлений по проблеме гражданского общества принадлежит Г. Гегелю (1770–1831). Выдвинутая им объединяющая модель до сих пор является важным теоретическим источником для современных научных изысканий. Гегель впервые постарался объяснить феномен гражданского общества как высоко развитого и сложно структурируемого социального устройства, в котором органично синтезируются идеи античного этоса и современное автору понимание гражданских свобод. Таким образом, государство должно в себе содержать признаки взаимопроникновения единого политического общества Античности и разнородных автономных социальных субъектов позднего Средневековья.

В методологическом аспекте политической науки одним из существенных противоречий единой гегелевской концепции является антиномия этатизма и антиэтатизма [8]. Получается, что современное гражданское общество одновременно разрушительно и созидательно, так как именно оно перманентно осуществляет поиск направлений социальной интеграции.

Дезинтеграционный (разрушительный) аспект заключается в проблеме противостояния личных целей индивидов: «В гражданском обществе каждый для себя – цель, все другие для него ничто. Но без соотношения с другими он не может достигнуть всего объема своих целей» [2]. Это важный методологи-

ческий посыл. Гегель впервые дает обоснование дисфункции гражданского общества, которая обуславливает появление его девиантных форм.

В отличие от результатов гегелевского теоретического синтеза, где государство предстает как своеобразный организующий и управляющий стержень, детерминирующий интеграцию и развитие гражданского общества, К. Маркс (1818–1883) рассматривает гражданское общество как продукт эволюции социальной материи. Согласно его теории, гражданское общество является предвестником государства, и именно социально-экономические изменения в гражданском обществе обуславливают изменения его форм. Маркс выделил основные негативные стороны гражданского общества – атомизм и негуманистичность. Тенденциозный подход Маркса замечали и его сторонники.

Основатель и руководитель Коммунистической партии Италии А. Грамши (1891–1937) в своих работах, объединенных под названием «Тюремные тетради», понимает под гражданским обществом «...сеть частных организаций господствующего класса, прямо не включенных в аппарат государственной власти: профессиональные, культурные, общественные, религиозные, благотворительные организации, политические партии и средства массовой информации» [1]. В социуме структурно Грамши различает три общества: политическое, экономическое и гражданское, в котором видит идеологическую надстройку общественной жизни и в этом направлении продолжает свои научные изыскания.

Своего апогея мировая политическая теория гражданского общества достигла, безусловно, в XX в., когда сформировались английская, французская и немецкая модели. Углубленный анализ и, можно сказать, теоретический синтез этих своеобразных трендов гражданского общества делают два американских профессора: политолог Дж. Л. Коэн и социолог Э. Арато в работе «Гражданское общество и политическая теория». Авторы предлагают первый опыт сведения в единую «систематическую теорию гражданского общества» всех современных научных школ [6].

При этом они интегрируют самые известные методологические критики («главные теории гражданского общества» XX в.): нормативную критику Х. Аранд (1906–1975); историцистскую критику К. Шмидта (1888–1985), Р. Козеллека (1923–2006) и Ю. Хабермаса; генеалогическую критику М. Фуко (1926–1984) и критику с позиций системного подхода Н. Лумана (1927–1998).

Главная идея Коэна и Арато, с которой трудно не согласиться, заключается в том, что современная рыночная экономика функционирует зачастую по своей собственной, независимой от политической сферы логике, следовательно, грамотное дифференцирование гражданского общества от экономических институтов станет научно-практическим базисом для конструктивной критики политической и социальной сфер. Настоящий паттерн, выражающийся в формуле «общество против государства», утратил критический потенциал, поэтому актуален теоретический конструкт гражданского общества, отделяющий его не только от государственной власти, но и от экономических структур.

Исследователи развивают свою идею дальше и обосновывают разделение гражданского общества еще на одну составляющую – политическое об-

щество, так как это область функционирования политических партий, политических организаций, парламентов и других институтов публичной политики. Авторы дают важное пояснение о современной роли гражданского общества в политике, если его рассматривать без политического общества. По их мнению, она «...непосредственно связана не с контролем или захватом власти, а с влиянием, проводником которого являются демократические ассоциации и свободная дискуссия в интеллектуальных кругах. Подобная политическая роль неизбежно сопряжена с распыленностью и неэффективностью воздействия» [6]. Поэтому обосновывается выделение «политического общества» как необходимого посредника между обществом гражданским и государством.

В подобной пятичастной модели (государство – политическое общество – гражданское общество – экономическое общество – экономика), по мнению авторов, гражданское общество сохраняет свои оппозиционные установки не только при авторитарном режиме, но и в формате либеральной демократии.

Позиция Коэна и Арато понятна, хотя и оставляет место для дискуссий. Например, получается, что непосредственно в само гражданское общество входят лишь ассоциации граждан, не связанные с государством и экономикой, а остальные элементы модели: политическое общество и экономическое общество – это лишь посредники между государственной властью и экономикой. Но тогда в чем разница между «гражданским обществом» и просто гражданами, и есть ли сферы, которые хотя бы даже опосредованно не связаны с государством и экономикой? Можно находить и предлагать в этой теории и другие спорные моменты. Однако важным в предложенной трактовке представляется наглядность социально-политического пространства с дополнительным потенциалом гражданского общества в случае «недобросовестного» исполнения обязанностей посредниками. Это может быть их неэффективная посредническая деятельность из-за некомпетентности, а также сговора с намеренной изоляцией процессов принятия политических и экономических решений от воздействия со стороны публичных институтов, инициатив, общественных организаций.

Подводя кратко итоги эволюции политической теории гражданского общества, следует заметить, что за достаточно длительный период категория «гражданское общество» значительно трансформировалась, расширив свою смысловую нагрузку. Невозможность точно классифицировать способности «социетальной ткани» к образованию в перманентной прогрессии и нейтрализации, по иногда необъяснимым научно причинам, бесчисленных социальных групп (гражданских структур), определить навсегда очерченные рамки их возможностей и функций делают гражданское общество перманентным незаконченным конструктом. В свою очередь, это говорит о том, что любое определение сути и содержания гражданского общества будет всегда лишь общей попыткой конкретизации этого явления, зафиксированной в формате исторических реалий или современной общественной жизни.

Список литературы

1. Антонио Грамши и его «Тюремные тетради» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.erwg.ru/quotauthor/256/> (дата обращения: 21. 07. 2013).
2. Гегель Г. В. Философия права / Г. В. Гегель. – М., 1990. – 74 с.
3. Гоббс Т. Левиафан // Соч. : в 2 т. / Т. Гоббс. – М., 1989. – Т. 2.
4. Джефферсон Т. Автобиография / Т. Джефферсон. – М., 1990. – 78 с.
5. Кант И. Метафизика нравов. Метафизические учения о праве // Соч. / И. Кант. – М., 1965. – Т. 4.
6. Коэн Д. Гражданское общество и политическая теория 6 пер. с англ. / Коэн Д., Арато Э. ; общ. ред. И. И. Мюрберг. – М. : Весь мир, 2003. – 134 с.
7. Локк Дж. Два трактата о правлении. Соч. Т. 3 / Дж. Локк. – М., 1988.
8. Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 1.
9. Монтескье Ш. Л. О духе законов. Избранные произведения / Ш. Л. Монтескье. – М., 1956.
10. Полянъ К. Аристотель открывает экономику // Истоки: Экономика в контексте истории и культуры. – М., 2004. – 16 с.
11. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре / Ж.-Ж. Руссо. – М., 1998.
12. Цицерон. Диалоги. О законах / Цицерон. – М., 1991.

Evolution of the Political Theory of Civil Society: Critical Aspect

L. B. Kristalinsky, S. V. Baranov

National Institute of Business, Moscow

Abstract. The authors consider main chronological development of the concept of civil society within the context of the modern political theory. Moreover, the correlation between historically evolving regulatory democratic models and tendencies of civil society development are argued.

Keywords: civil society, economic society, politic society, democracy, state, public organisation, association, social environment, conception.

Кристалинский Леонид Борисович

*кандидат политических наук,
доцент*

*Национальный институт бизнеса
111395, г. Москва, ул. Юности, 5/1
тел.: 89032444158
e-mail: kris-leon@hotmail.com*

Kristalinsky Leonid Borisovich

*Candidate of Sciences (Politology),
Associate Professor*

*at the National Institute of Business
111395, Moscow, Yunost st., 5/1
tel.: 89032444158
e-mail: kris-leon@hotmail.com*

Баранов Сергей Викторович

*кандидат политических наук,
доцент*

*Национальный институт бизнеса
111395, г. Москва, ул. Юности, 5/1
тел.: 8(499)9725689
e-mail: bsv07@yandex.ru*

Baranov Sergey Viktorovich

*Candidate of Sciences (Politology),
Associate Professor*

*at the National Institute of Business,
111395, Moscow, Yunost st., 5/1
tel.: 8(499)9725689
e-mail: bsv07@yandex.ru*